

*Soda
Press*

АЛЁНА ФИЛИПЕНКО

МЫ,
ДЕТИ ЗОЛОТЫХ
РУДНИКОВ

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Ф53

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Филипенко, Алёна.
Ф53 Мы, дети золотых рудников: [роман] / Алёна Филипенко. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 672 с.

ISBN 978-5-04-230973-1

Дворовые войны, недетская жестокость, разбитые надежды — таково взросление мальчишек из Чертоги, умирающего шахтерского городка. Они знают, что мир не делится на черное и белое, добро и зло: им судьба подарила только ничем не примечательный бетонный серый. Их участь — расти, не зная лучшей жизни, вот только одному из них выпадает шанс вырваться из нищеты.

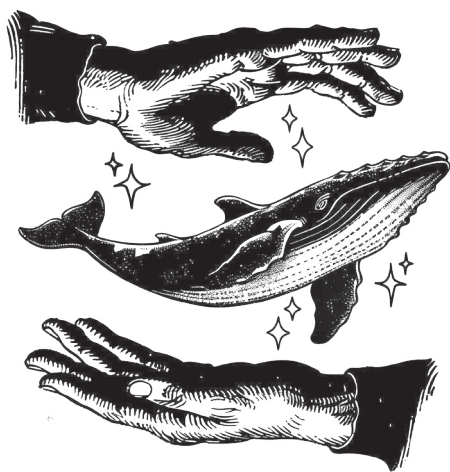
И тогда те, с кем вчера он стоял плечом к плечу, обернутся против него и его новых друзей. Это станет лишь началом многолетней вражды, где в схватку вступят верность и любовь, долг и чувства.

Добро пожаловать в Чертогу, рай голодных крыс, кипяченого белья и помоев.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Алёна Филипенко, 2016
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026.
Soda Press
Cover art © by Adams Carvalho, 2025

ISBN 978-5-04-230973-1

Киту, парящему внутри нас

ОТ АВТОРА

Не дайте себя обмануть: хоть история и имеет реалистичный сеттинг («где-то в глубинке России») и описывает жизнь жителей условного маленького шахтерского городка под названием Чертога, который вполне может существовать, мир «Детей рудников» — вымышленный. Устройство этого мира, локации, быт жителей, их манера общения и все-все-все придумано мной, с реальностью этот мир не имеет ничего общего. Законы, по которым он существует, отличаются от привычных нам.

Предупреждаю: это тяжелая и жестокая книга, которая разбивает на осколки все читательские ожидания. Здесь есть герои с серой моралью — и их поступки могут вызвать у кого-то негативные чувства. Я не сужу своих героев. Персонажи этой истории могут не получить того, что заслужили. Потому что судья — это ты, читатель. И только тебе выносить приговор.

КНИГА I

ПРОЛОГ

У-у-у... Парнишка, беги отсюда! Этот злоющий и кусачий мир, про который я тебе сейчас расскажу, точно не для тебя. В этом мире выживают только парни вроде нас. Ребята с накрепко пришитыми к одежде бирками:

ИЗГОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ МУСОР ОБЩЕСТВЕННЫЙ БРАК ПОДЛЕЖИТ УТИЛИЗАЦИИ

Парни вроде нас. Дети из Чертоги. Потомки ссыльных и каторжан.

Дети, которых выкормили и воспитали шахты.

Да, это мы. Мы, дети золотых рудников. Дай мне руку, парнишка. Или ты девчонка? Если девчонка — не обижайся, но я все равно буду звать тебя парнишкой. Я проведу тебя в свой мир. Мир, в котором ты никогда не был.

Отправимся на окраину Чертоги, на баржу.

Видишь эту ржавую посудину? Эта баржа некогда стояла в чистых голубых водах, заполнявших огромный карьер. А теперь она погрязла в щелочно-цианистых отходах золото-перерабатывающего комбината. Этот отстойник с отходами чертовски опасен, возле него стоят лишь иссохшие скелеты деревьев, а на его берегах частенько можно обнаружить птичьи трупы.

На комбинате работает все наше чертожское бабье. Мужики у нас на рудниках вкалывают, золотую руду выкапывают, а барышни ее в золото перерабатывают. Занятие

это довольно вредное: они добытую руду цианируют и выщелачивают, отходы сливают в отстойник, который залит уже до краев и скоро выйдет из берегов. И тогда потоки химической дряни затопят город.

Видишь на барже толпу мальчишек? Все они смотрят вниз, улюлюкают и веселятся. Подойди поближе, и ты увидишь, как у самого края баржи белобрысый мальчишка с перекошенным от ярости лицом держит за шею другого мальчишку и пытается утопить его в шламе.

Другого мальчишку зовут Кирилл Бобров. Вот, теперь ты познакомился со мной. Ты пока что видишь только мои ноги — белобрысый по-хозяйски сидит на них. А все туловище погружено в буро-зеленую густую массу токсичных отходов. Руки белобрысого крепко держат меня за шею, не давая поднять голову над поверхностью отстойника и глотнуть спасительного воздуха.

Клейкая цианистая дрянь проникает в нос и рот, ужасно жжет во рту, в носу и глазах. Я колочу по чужим рукам, царапаю их, пытаюсь оторвать их от меня.

Я боюсь. Мне страшно быть погребенным под толщей отходов.

Еще несколько секунд — и мне капец. Цианистый калий, содержащийся в этом шламе, скоро поступит в мой организм и перегородит воздуху путь к клеткам. В результате клетки перестанут получать кислород, приносимый кровью. Наступит кислородное голодание. Я умру в мучительной агонии.

А чужие руки сдавливают шею все сильнее.

Это руки человека, который когда-то был моим лучшим другом.

Хм. Есть ли где-то на Земле такое райское место, где друзья не топят друг друга в химическом болоте? Где дети не похожи на заболевших бешенством диких зверей?

Есть ли такое место, где парни вроде нас живут нормально, в достатке смогут просуществовать хотя бы до шестнадцати?

Я знаю одно такое место, правда, оно находится далеко, годах этак в десяти-пятнадцати отсюда. Там живешь ты. Или будешь жить, когда подрастешь.

Спокойный «маятниковый» образ жизни: работа — дом, поход в кино в пятничные вечера и боулинг по субботам, жизнь, в которой самая страшная опасность — это вовремя не внести платеж по кредиту.

О, как же я хочу туда, где нужно думать о том, как приобрести телевизор в рассрочку и как выкроить себе два дополнительных дня отпуска.

Но это так безумно далеко отсюда. Я буду топтать в ту жизнь десять долбанных лет. И тысячи гребанных верст. А пока, здесь и сейчас, парни вроде нас должны как-то выживать... Даже с цианистым калием в крови.

Мы живем в месте под названием Чертога.

В восемнадцатом веке здесь открыли огромное месторождение золота. Из столичных тюрем сюда сразу же отправляли целые полчища осужденных. На каторгу.

Осужденные шли пешком длинной узкой колонной. Всех сковали цепями друг с другом, чтобы никто не сбежал.

Восемь тысяч верст ссыльные шли почти три года — это нам по истории в школе рассказывали. И многие вроде как умерли от голода и болезней еще в дороге.

Те же, кто дошел, построили здесь город.

Чертога. Никто не знает, почему это место так называют — то ли потому, что внешне неприветливые предгорья хранят в своем нутре огромное богатство — настоящие подземные чертоги. То ли... Могильная тишина этого места пробирает до мурашек. Как будто здесь находится обитель самого черта.

Город, построенный на холмах. А холмы у нас тут удивительные — покрытые яркой зеленью, покатые, похожие на волны. По ним туман стелется, как молочная пенка. Красотища. Хоть пиши картину маслом или стих сочини.

Справа от холмов — территория рудников. Расположенные на холмистых предгорьях здания, бункеры, подъемные установки, дробильные машины, мастерские и склады образуют надшахтный комплекс. А под землей — разветвленная сеть горных выработок — штольни и тоннели.

Чертога родилась благодаря каторжанам — это они ее выстроили.

Бараки, шахтные постройки, железные дороги, первый завод. Что-то из этого уже разрушено и заброшено, но большинство построек сохранилось. Мы с Архипом в детстве все неработающие шахты в округе излазили. Надеялись найти что-то удивительное: послание от каторжан, золотой самородок... Ничего не попало, конечно, но эмоции все равно били через край.

Архип... Почему конец дружбы означает у нас чью-то смерть? Почему бы людям, переставшим быть друзьями, просто не вернуть все посланные друг другу подарки и открытки и прекратить общаться? Ведь так обычно поступают с бывшими друзьями.

Почему надо убивать, топить друг друга?

Откуда в нас, жителей Чертоги, столько неоправданной жестокости?

Эх, чтобы разобраться в этом вопросе, наверное, надо копнуть глубже в историю.

Первые три сотни ссыльных построили здесь селение, которому дали название Чертога. Золота добывалось много, создавались новые шахты. Поселок рос. Возводились новые

прочные дома, появились школа и больница, сменялись поколения, Чертога процветала.

Но все имеет предел, и наступило время, когда золотая руда в доступных местах подошла к концу. Добыча золота стала убыточной, и власти начали подумывать о закрытии предприятия. Но это ставило под угрозу жизнь всей Чертоги — несколько тысяч человек могли остаться без работы. Им было некуда деться — в округе на сотню миль не было ничего, ни одного рабочего места. Они бы пропали, померли бы с голоду. Власти приняли решение: рудники оставить, но расходы сократить.

Стали урезать зарплату, сокращать финансирование производства. Эх, столько подземных машин пропало — их просто перестали ремонтировать. Мы с Архипом, когда лазили в шахтах, обычно находили много разной техники — причем хорошей, просто съеденной временем.

Чертога стала приходить в упадок. И снова золото начали добывать и обрабатывать по старинке — вручную.

Все, кто посмелее, уехали начинать все заново в более пригодном для жизни месте. Но пять тысяч человек остались.

Вот в такой Чертоге мы выросли. Бедность. Грязь. Ветхие дома. Разбитые дороги. Безработица. Пьянство. Воровство. Насилие. Даже убийства.

Человек, который не уверен, сможет ли он завтра поесть, вряд ли всегда будет добрым. Нельзя осуждать людей за их злобу.

Но злоба в сердца чертожцев вселилась не только из-за бедности...

Я захлебываюсь густой массой. Молочу ногами по барже — противник уверенно сидит на мне и погружает мою голову в вонючий ядовитый шлам. Все глубже. Вниз, к смерти.